

УДК 802.0-73

СЛАВЯНСКАЯ КРИПТОГРАФИЯ: ФРЕЙМИНГ М. А. БУЛГАКОВА

Н. В. Халина

Статья посвящена рассмотрению романа М. А. Булгакова как текста, содержащего элементы славянской криптографии. Грамматика славянских смысловых отношений в романе облечена в форму фрейминга. Булгаковский фрейминг восстанавливает коммуникацию двух когнитивных культур – славянской и собственно русской. Первая – зафиксирована графической системой “кириллица”, вторая же представляет собой ментальные схемы, в соответствии с которыми русский народ располагает (закрепляет) себя в потоке истории.

Ключевые слова: художественный текст, фрейминг, смысловые отношения.

Во время русско-японской войны 1904 – 1906 годов Николай Рерих осознает необходимость заключения специального международного договора об охране памятников культуры во время войн. В 1920 году текст подобного договора, по просьбе Н. Рериха, был подготовлен юристом-международником профессором Г. Шклявером при проведении консультаций с членом Постоянной палаты международного правосудия в Гааге профессором Г. Лапраделем [1]. Таким образом, по заключению Г. Шклявера, идея Рериха была переведена на язык права, воплощена в правовые термины.

Славянская идеология и аксиология, дабы не быть потерянными в пространстве и времени, в конце первого тысячелетия была переведена в систему символических обозначений, именуемых кириллицей. Кириллица, как считает М. В. Арапов, в первом тысячелетии нашей эры стала третьей попыткой создать алфавит на основе греческого письма для перевода Библии. Возможно, к созданию кириллицы причастны ученики Кирилла, развившие во время правления болгарского царя Симеона (803 – 827 гг.), “в эпоху, когда болгарская культура испытывала сильное влияние Византии” [2], графические идеи своего учителя, составившего, как считает П. Шафарик, глаголицу. Будучи ориентированной на передачу славянской речи и символизируя православнось (непоколебимую верность постановлениям семи вселенских соборов), кириллица, по утверждению М. В. Арапова, стала средством сопротивления богатой и сложной византийской культуры “глобализму” и нивелирующему влиянию Рима, способом сохранения единого поля православной культуры” [2]. Отличительной особенностью православной культуры, по наблюдениям ученого, является отсутствие основы, “материальных” предпосылок, для конструирования новых алфавитов: в повседневной реальности православной культуры не было многообразия алфавитов, в отличие от западной (преимущественно католической) культуры, где алфавит “нормативной” латыни как языка культа, администрации, торговли, школы и пр. выступал в качестве постоянного оппонента многочисленных национальных алфавитов и национальных языков.

Однако отсутствие “материальных” предпосылок отнюдь не означает отсутствия латентных, или так называемых “слабых связей”, в кириллической графической сис-

теме, т. е. связей, по определению Н. Н. Леонтьевой, не востребованных лексическими единицами в составе предложения, источника нежелательного размножения связей при автоматическом синтаксическом анализе предложений [3].

“Слабые связи” в кириллической графической системе, по нашему мнению, свидетельствуют о возможности замещений-совмещений на множестве “славянских” семантических отношений многообразия виртуальных алфавитов — систем означивания реальных и рефлексий на них, свойственных различным славянским племенам.

Виртуальные алфавиты славянских племен означивали их мироощущение, или “мирочувствие” (А. Ф. Лосев) — систему интуитивных доказательств того, что мир есть некая, особым образом структурированная, цельность. Анализируя особенности мироощущения Эсхила, А. Ф. Лосев избирает в качестве момента, организующего рефлексивный образ мира — душевные переживания, в частности, психологию страха [4].

Славянская криптография представляет собой систему семантических узлов, определяющих когерентность мироощущения славянских племен, визуализированную в кириллице диакритикой (надписными значками), которую следует расценивать, по мнению М. В. Арапова, как “мимикрию” под греческий текст: в греческом тексте эти значки обозначали придыхание и ударение разного типа, сокращенное написание слов, в славянских же текстах иногда были чисто декоративным элементом, усиливающим сходство с греческим образцом [2]. В конце XIX в. Исаак Тейлор обратил внимание, что при удалении искусственно добавленных петель, часть ни на что не похожих букв глаголицы превращается в знакомые греческие буквы. “Петли” выступают в качестве семантического представления аксиологии и идеологии славянских племен в графической записи их мирозерцания, которое А. Ф. Лосевым вообще определяется как познание рассудочное, анализирующее, выводное, опосредованное. Н. Н. Леонтьева, исследуя смысловую неполноту в формуле слабой связи, выявляет “малые” единицы, составляющие любые структуры текста, — семантические узлы, которые, как правило, по наблюдениям ученого, не даются в готовом виде, — их надо собрать в ходе анализа любого текста [4], в нашем случае, славянской аксиологии и идеологии. Подобными “малыми” единицами, видимо, возможно признать криптограммы, тексты со скрытым смыслом [5].

Криптограммы, как утверждает Мэнли П. Холл, играют важную роль в литературе и философии, фиксируя посредством символов священные истины, позволяя мудрому разорвать завесу неизвестности, размышляя о реальности. “Формы являются символами бесформенных божественных принципов, а символизм является языком Природы” [6, с. 301].

Язык Природы, обнаруживающий себя в виртуальном алфавите славянских племен и визуализированный диакритикой в кириллице, дешифруется в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. “Храмы древних Мистерий развили свой собственный священный язык, который был известен только посвященным и на котором никогда не говорили, кроме как в пределах святилища. Просвещенные жрецы считали святотатством обсуждение священных истин высших миров или божественных откровений вечной Природы на том же самом языке, который используется в спорах и сваргах. Священная наука нуждается в священном языке. Были также изобретены священные

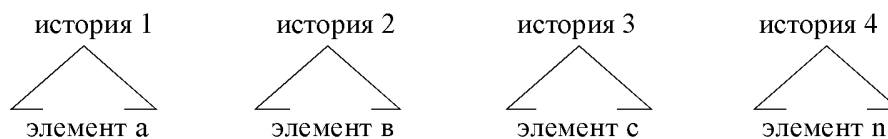
алфавиты, и всякий раз, когда секреты доверялись бумаге, для этого использовались непонятные для непосвященных буквы. Такие формы письма назывались священными герметическими алфавитами” [6, с. 302 – 303].

Созданный М. А. Булгаковым в романе “Мастер и Маргарита” герметический алфавит, с одной стороны, есть фиксация услышанного автором внутреннего смысла праксиологии и праидеологии, с другой стороны, это составляющие “Грамматики смысловых отношений”, позволяющие “слушать” внутренний смысл мироощущения славянских племен, проясненный их же мирозерцанием, которое укреплено было графической моделью мира кириллицы.

Сам же роман М. А. Булгакова в чем-то подобен пакту Рериха — договору о Ценностях всего человечества, заключенному 15 апреля 1935 года. В своем обращении в связи с пактом Н. Рерих писал: “Мы оплакиваем библиотеку Лувена и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто: “Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою”. Но все же пагубные множества памятников человеческих подвигов могут быть опять разрушены. Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры. Даже в начале своем эти меры охранения дадут многие полезные следствия...” [1, с. 12]. Основная цель М. А. Булгакова — создать “ангельский”, виртуальный алфавит, позволяющий услышать язык Природы, обнаружить лингвистические структуры, обеспечивающие выход за пределы обыденной реальности к первотексту (священному языку) славянских племен и служащие “фундаментом”, несущими конструкциями для восстановления разрушенного человеческого заблуждением.

Слушание внутреннего смысла, видимо, довольно-таки занимательная, но обременительная для слушающего процедура: продвигаться по неизведанному миру приходится без каких-либо ориентиров, поскольку продвижение осуществляется не по собственной территории, а по бессознательному другого. Слушание внутреннего смысла — это особая слуховая стратегия, развитая и применяемая в области нейро-лингвистического программирования. Одна из составляющих подобного слушания, обнаруженная Гриндером и Бэндлером, — аналоговое подчеркивание [6]. Оно происходит в тех случаях, когда некоторый несловесный сигнал систематически связывается с особыми частями словесного сообщения. При соединении этих словесно отмеченных частей словесного сообщения образуется отдельное связное сообщение, которое направлено подсознанию слушающего клиента. Аналоговое подчеркивание может быть весьма простым — сдвиг тональности при произнесении “особой” части сообщения, физическое положение головы при разговоре с клиентом; а может быть весьма сложным, состоящим из историй, не связанных между собой, но содержащих части, отмеченные одинаковым образом. Подсознание, в случае сложного аналогового подчеркивания, должно соединить отмеченные части в единое сообщение (см. схему).

Для подсознания клиента отмеченные элементы (от (а) до (п)) составляют отдельную связную историю или ряд сообщений. Обнаружение аналогично подчеркнутых частей ряда историй позволяет на подсознательном уровне воспринимающе-

му открыть выраженное ими сообщение, принять его и отреагировать на него.

Сдвиг “тональности” возможно обнаружить в завершении Главы 18 романа “Мастер и Маргарита”, предшествующей явленности одной из составляющих основополагающей классификационной пары Инь-Ян — Маргариты (Глава 19. Маргарита), в следующем сегменте: “Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом клюнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94 года, разбил вдребезги и затем уже улетел в окно” [7]. Обращает на себя внимание прежде всего временная недифференцированность тысячелетия и века, что “поддерживается” и графическими сочетаниями, при озвучивании, а следовательно, слушании внутреннего смысла, порождающими аллюзии с польской культурой и временами (смутными) ее контактирования с культурой русской (воробу — шек же). Темпоральные мутации свидетельствуют о наличии исторической асимметрии. Каждой асимметрии соответствует ее собственная симметрия, именно такой вывод можно сделать, как считает В. А. Карпов, из начального пассажа статьи “Об асимметричном дуализме лингвистического знака” С. Карцевского: “... природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться лишь частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе” [8, с. 102]. Аналоговое подчеркивание позволяет рассматривать как образец собственно симметрии же тем / за/ тем же, или “любовь”, “женщина” и X. “Итак, мы оказываемся внутри новой области: речь уже идет не о простом добавлении предшествующих фонем, а скорее о построении эзотерических слов, объединяющих фонемы в конъюнктивном синтезе однородных, сходящихся и непрерывных серий — таково, в разбираемом Леклером примере, тайное имя “Roord’jeli”, создаваемое ребенком” [8, с. 277]. Таким образом, выделен элемент истории 1 — X, поверхностный эффект (остаемся в контексте “логики смысла” Ж. Делеза) в аспекте резонанса и зеркала, на уровне которого начинается речь: “она начинается, когда формативные элементы языка выделяются на поверхности из потока голоса, идущего с высоты” [9, с. 279] (ср. вставку “я не шучу” и “вставные конструкции” — за, у, дающие в совокупности первообразный составной дистантный предлог [10], тождественный (симметричный) по структуре за ... до (за неделю до отъезда), но асимметричный по содержанию: до может маркировать пространственные и временные контексты, у — только пространственные).

История 2 “Маргарита” открывается таким образом: “За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь! Нет!” При прочтении этого эпизода, непосредственно продолжающего ранее

рассмотренный, необходимо опираться на аналогичное подчеркивание в его сложном варианте. Особое внимание следует обратить на дистрибуцию компонента “у” составного дистантного предлога за ... у, в частности, контексты “ут” — “ун” — “ус”. В этих контекстах возможно обнаружить элементы предфилософского сознания (новой идеологии, порожденной диалектическим материализмом, или марксизмом-ленинизмом), строящегося, если исходить из индийской модели, путем “преломления” (деления) прямого речевого пения на категориальные (понятийные) и грамматические (языковые) единицы, в которых отражена динамика циклов природного и человеческого бытия [11]. Вместе с вертикальным делением рода и природы по уровням верх-центра-низа аналогично делятся зафиксированные в них сознание и язык. Среди всех категорий особо выделяются категории абстрактной всеобщности сознания и языка, который имеет отрицательную определенность: он задает понятийный (Т), мелодичный (Н), и грамматический ритм (С) сознания-песнопения. В истории 2 в качестве элемента оказались представленными Т, Н, С — микроконтексты “у”; прообразы миров, в которых актуализируется абсолютное начало.

История 3 берет свое начало в Главе 13 “Явление героя”, где четному числу (Инь) должно быть приведено в соответствие нечетное число (Ян), что возможно осуществить, опираясь на понятие аналогии, но в его раннем специально-математическом значении — “пропорции”, “равенства отношений”, “середины”, в частности среднего арифметического и среднего геометрического [12]. Если остановиться на арифметической пропорции, то пропорция представляет собой алгоритм, позволяющий вычислить по крайним членам пропорции ее средний член. Средний член Н пропорции-анalogии, обнаруженный в истории 2, соответствует речи, воздушному пространству, ветру, Яджурведе. “Итак, неизвестный погрозил Ивану пальцем и прошептал: “Тсс!”; “-Тсс, — шепнул гость и, выскочив на балкон, закрыл за собой решетку”; “Он шепотом сообщил Ивану...”. Вычислить средний член — значит приписать ему определенное значение в топологическом пространстве, не предполагая существование “родственных” пространств, а лишь существование одного, удовлетворяющего требуемому условию. Два пространства называются топологически эквивалентными, если каждое из них можно получить из другого с помощью непрерывного преобразования, т. е. без разрывов и разрезов [13]. Пространства графических знаков Н и Ш топологически эквивалентны, а следовательно, эквивалентны понятийные объемы, которые приписываются этим графемам как символическим буквам: Н (x) (напомним x в романе М. А. Булгакова — поверхностный эффект истории в аспекте резонанса и зеркала, некое эзотерическое слово) — средняя величина информации для полной системы x попарно взаимоисключающих событий, или энтропия системы (в случае с явлением героя — энтропия эзотерического слова (логоса). Энтропия в работе А. Кофмана определяется как математическое ожидание случайной величины, принимающей определенное значение [14]; Ш — буква, введенная в кириллицу для обозначения особенностей речи восточных славян, их воздушного пространства, возможно, карты-атласа их “Неба”, их “галактики воображаемых точек” (Г. Петрович) [15]. Н и Ш — это симметрия и асимметрия абсолютного начала объективного мира и начала, обеспечивающего жизнь человека и его познавательную деятельность, Брахмана и Атмана. Гибрид симмет-

рии и асимметрии, занимающий пространство между ними в романе М. А. Булгакова, — П П (Понтий Пилат) — диссимметрия. П. Кюри о важности диссимметрии писал следующее: “Необходимо, чтобы некоторые элементы симметрии отсутствовали. Это и есть та диссимметрия, которая создает явление” [16, с. 101]. Как считает В. А. Карпов, несложно доказать, что существование двух антиподов сохранения = симметрии и несохранения = асимметрии позволяет создать простейшее логическое обоснование существования диссимметрии, обозначив симметрию как S , а асимметрию как A . Итак, выяснив приписываемые вероятностные содержания H (ожидание случайной величины), S (симметрии = сохранения двуединой сущности, абсолютного начала и субъективного начала, лежащего за пределами умопостигаемого мира), не определили семантического объема T — своеобразного источника движения сущностей телесного и духовного бытия человеческой природы, жертвенной формулы. Элемент истории 3 — жертвенная формула T , темпоральность, или, в соответствии с концепцией В. Дильтея, переживание действительности [18].

История 4 развивается в Главе 24 “Извлечение мастера”: “Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, — сказала Маргарита, и лицо ее исказилось судорогой. Тут в комнату ворвался ветер, так что пламя свечей в канделябрах легло, тяжелая занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далекой высоте открылась полная, но не утренняя, а полночная луна. От подоконника на пол лег зеленоватый платок ночного света, и в нем.... лунный поток кипел вокруг него”. Образ, лежащий в основе ритуальной формулы, складывается из сегментов: *ветер* (сок растений, человек) — *огонь* [свечей] (сок речи, Рич) || *занавес* (занавеска) — *окно* — *луна* (полночная) — *столб света* (зеленоватый платок ночного света) (в совокупности эти компоненты создают модель кинопроектора; достигается состояние симбиоза театрального искусства, определяемого категорией катарсиса, и кинематографического, отличающегося присутствием особого кадра-окна, топологической структуры, “разграничивающей” поток событий на разные реальности, которые симметризируют действительный и воображаемый миры) поток||платок||решетка||решето Эратосфена ($H+Ш$: ожидание случайной величины + галактика воображаемых точек). Решето Эратосфена в теории чисел представляет собой общие формулы просеивания, или методы пересчета. “Принцип его прост: с любым свойством P можно связать его расщепление на некотором множестве A , в соответствии с которым A разбивается на две части: подмножество A , образованное элементами, не обладающими свойством P , и A , образованное элементами, обладающими свойством P , т. е. обладающими свойством P . Выбирая свойства подходящим образом, можно последовательным просеиванием пересчитать подмножества с положенными на них теми или иными ограничениями” [14, с. 60].

Фрейминг М. А. Булгакова (создание у воспринимающего нужной рамки переживаний) строится на создании особой алгебры отношений, в чем-то тождественной алгебре отношений Ч. Пирса, утверждавшего, что его алгебра отношений в большей степени относится к системе потенциальных графов и обладает способностью расширяться так, чтобы охватить все [18]. Под графом же, следуя Кёнигу и Бержу, необходимо понимать разбиение теоретико-множественного произведения некоторого счетного множества на себя на две части [14].

Список литературы

1. Богуславский М. М. Пакт Рериха // Мир через культуру. Сборник. Сост. Э. В. Балашов. — М., 1990. — С. 10 – 16.
2. Арапов М. В. Латиница и кириллица. — 2002. — arapov@online.ru.
3. Лосев А. Ф. О мироощущении Эсхила // Форма. Стиль. Выражение. — М., 1995. — С. 781 – 880.
4. Е. И. Рерих (Ж. Сент-Илер). Криптограммы Востока // Мир через культуру. Сборник. Сост. Э. В. Балашов. — М., 1990. — С. 123 – 160.
5. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — Новосибирск, 1992. — Т.2. — 440 с.
6. Гриндер Дж., Бостик Сент-Клер К. Шепот на ветру. Новый код в НЛП. — СПб., 2005.
7. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — Барнаул, 1989.
8. Карпов В. А. Симметрия–асимметрия в польском языке // Польский язык среди других славянских языков. — Мн., 2004. — с. 101 – 111.
9. Делез Ж. Логика смысла. — М., 1995.
10. Всеволодова М. Грамматика славянского предлога. Первые результаты межнационального проекта “Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис” // Польский язык среди других славянских языков. — Мн., 2004. — С. 30 – 38.
11. Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). — М., 1992.
12. Крушельницкий А. А. Логика “И цзина”: Дедукция в Древнем Китае. — М., 1999.
13. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. — В 9 тт. — Т.1. Физический мир. — М., 2000.
14. Кофман А. Введение в прикладную комбинаторику. — М., 1975.
15. Петрович Г. Атлас, составленный небом // ИЛ. — №6. — 1997.
16. Кюри П. Избранные труды. — М.-Л., 1966.
17. Дильтей В. Описательная психология. — СПб., 1996.
18. Pieret C. S. Selected Writings ed Philip P. Wiener. Dover Publication, 1958. Извл. из: Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 2002.

Халіна Н. В. Слов’янська криптографія: фреймінг М. А. Булгакова.

Стаття присвячена розгляду роману М. А. Булгакова як тексту, що містить елементи слов’янської криптографії. Граматика слов’янських смислових відносин в романі вдягнеться у форму фреймінга. Булгаківський фреймінг відновлює комунікацію двох когнітивних культур – слов’янської і власне російської. Перша – зафіксована графічною системою “кирилиця”, друга ж є ментальними схемами, відповідно до яких російський народ розташовує (закріплює) себе в потоці історії.

Ключові слова: фреймінг, смислові відношення, художній текст.

Halina N. V. The Slav cryptography: framing of M. A. Bulgakov.

The article is devoted to the Bulgakov’s novel “The Master and Margorita”. It is analyzed as the text which contains the elements of slav kryptographia. The grammar of sense (slav sense) takes in the novel the form of framing. Bulgakov’s framing secures the communication of two cognitive cultures: the Slav culture and the Russian culture. The first has been fixed by graphic system “kirillitza”, the second is the mental schemes, according which the Russian people are disposing in traffic of the history.

Key words: art text, framing, sense (slav sense) takes.

Стаття поступила в редакцію 30 октября 2006 г.